

сюриздат, 1959. – 457 с.

2. Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т.1. – М.: Госполитиздат, 1952. – 556 с.

3. Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. – М.: Госполитиздат, 1952. – 552 с.

4. Фонвизин Д.И. Рассуждение о непременных государственных законах // Русская философия второй половины XVIII века. Хрестоматия. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. – 345 с.

5. Попугаев В.В. О благополучии народных тел // Русские просветители. Т.1. – М.: Мысль, 1966. – 467 с.

6. Прокопович Ф. Сочинения. – М., Л., 1961. – 686 с.

7. Татищев В.Н. Избранные произведения. – М.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. – 464 с.

8. Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. – М., 1767. – 97 с.

Феномен Ф.М. Достоевского: интерпретация Н.Н. Страхова

Димченко Н.В., студентка,

Российский государственный гуманитарный университет

В «Воспоминаниях о Ф.М. Достоевском» Н.Н. Страхов предстает перед нами как талантливый публицист. Он оставил «живые» воспоминания о Федоре Михайловиче, которые побуждают к размышлению о Достоевском не только как величайшем писателе, философе, человеке со своей непростой судьбой, но и характеризуют Страхова как тонкого, чуткого мыслителя, психолога.

Будучи первым биографом Достоевского, Николай Николаевич ощущал тот груз ответственности, который был на него возложен. Несмотря на все разногласия, которые между ними существовали, он понимал значимость Достоевского не только для русской, но и мировой культуры. Он считал своим долгом поделиться с потомкам воспоминаниями о выдающемся, неординарном писателе и человеке.

Биография Достоевского представляет собой небольшой сборник из двадцати трех статей. В них мы находим не только описание основных этапов творческой жизни Федора Михайловича, но, что немаловажно, комментарии и оценку Страхова на происходящие события. При анализе данной работы необходимо учитывать и тот факт, что Страхов не ставил перед собой задачу представить полный перечень биографических сведений о Достоевском. Большая часть его воспоминаний связана с их совместной творческой работой в журналах, руководителем которых являлся Федор Михайлович. Благодаря «Воспоминаниям» нам представилась возможность ознакомиться с мнениями и настроениями Достоевского во время его публицистической деятельности.

Особый интерес для исследователей творчества Достоевского представляют статьи «Основание «Времени»», «Новое направление. Почвенники» и «Успех «Времени». Сотрудники», в которых речь идет о собственно журнальной деятель-

ности писателя в период с января 1861 г. – по апрель 1863. В ней представлены социально-политические взгляды Достоевского, а также занимаемая им позиция в извечном споре западников и славянофилов. Страхов, не изменяя своему стилю мышления и письма, детально анализируют причины той популярности, которую завоевал журнал «Время».

От общей характеристики направления журнала Страхов переходит непосредственно к литературной деятельности Достоевского. Он тщательно разбирает все те обстоятельства, которые осложняли его работу и дает свое видение Достоевского как писателя. Главная его заслуга, по мнению Страхова, состояла в том, что он «питал своих читателей лучшей кровью своего сердца» [1, 226]. Страхов писал о Достоевском следующее: «Он видел Божью искру в самом падшем и извращенном человеке, за проблеском этой красоты, открываемые им под безобразною и отвратительной внешностью, он прощал людей и любил их. Эта нежная и высокая гуманность может быть названа его музеою...» [1, 227].

В биографии Ф.М. Достоевского особое место занимает статья «Пушкинский праздник (1880)». Николай Николаевич обращает наше внимание, что в ней представлено не содержание речи Достоевского, а тот эффект, который она произвела на слушателей. Мы можем положиться на сведения, которыми располагает Страхов, так как он был непосредственным свидетелем триумфа Достоевского. Страхов так подробно разбирает события праздника, чтобы сделать, возможно, один из самых главных выводов: «В лице Достоевского, который на протяжении всей своей жизни испытывал благоговение перед талантом Пушкина, почвенничество одержало верх на пушкинском празднестве» [1, 313]. Всю свою жизнь Достоевский находился в постоянном поиске основания, которое могло бы примирить два конкурирующих направления, и по всей видимости, на пушкинском празднестве ему удалось его обнаружить.

В заключительных статьях «Биографии» Страхов подводит своеобразный итог творческого пути мыслителя. Достоевский приходит к своему главному произведению – роману «Братья Карамазовы», а также продолжает работу над «Дневником Писателя». В этот период Достоевский и Страхов мало общаются, но это не помешало последнему уловить истинную направленность журнала: «Это был собственно ряд фельетонов, касавшихся всевозможных предметов, но преимущественно посвященных общественным вопросам и литературе <...> За три года, когда был вестен «Дневник» и за 1876 и 1877 гг. (в особом издании), Достоевский, можно сказать, сам написал свою биографию, указал и объяснил то, чем он был занят, что думал, что чувствовал в каждый из двадцати месяцев этих трех годов. Тут выразилось главное содержание его жизни» [1, 299-300].

Смерть настигла писателя в самый разгар его кипучей деятельности. Страхов вспоминает, что в январе 1881 года был практически окончен новый выпуск «Дневника писателя», когда неожиданно для всех явилась весть о смерти Достоевского: «... умер тогда, когда его голос стал раздаваться все чаще и все громче. Это была не смерть заслуженного литератора, на покое доживающего свои дни, а смерть журналиста, застигшая его накануне выпуска горячего номера [1, 321].

Нам хотелось бы завершить анализ «Воспоминаний» выдержкой из книги Страхова Н.Н. «Мир как целое». Он утверждал, что смерть необходима для сохра-

нения достоинства человека: «С этой точки зрения смерть есть великое благо. Жизнь наша ограничена именно потому, что мы способны дожить до чего-нибудь, стать вполне человеком; смерть же не дает нам пережить себя» [2, 177].

Литература:

1. Страхов Н.Н. Воспоминания о Ф.М. Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. – СПб., 1883.
2. Страхов Н.Н. Мир как целое. М: Айрис-пресс, 2007. – 570 с.

Русская мысль в трудах Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова (к проблеме экзистенциально-тематического единства)

*Дорофеев М.А., аспирант,
Белгородский государственный университет*

Историки русской мысли всё больше внимания уделяют диалогической общности, насущному и конкретно-тематическому единству мысли Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова [1; 3]. В многолетних разговорах, которые вели эти собеседники, душевная близость сменялась охлаждениями или почти враждой; однако, при всех перипетиях споров и «перерождениях убеждений» оставалась неизменной общая склонность обсуждать не метафизику жизни, а только «слог, логику и добродетель» – во что бы то ни стало отыскивать человека в обстановке «гласности» и «отвратительной искренности» (Н.Н. Страхов) тех лет.

Экзистенциальная мука Ф.М. Достоевского в исторических исследованиях достоевсковедов – почти как на ладони. Не то с Н.Н. Страховым. Его убедительность в разговорах с Достоевским ещё нуждается в специальном изучении. Предварительно пока ясно, что у Страхова нет никакого умиления или сугубого сочувствия к «большому горнилу сомнений» Достоевского. Оставаясь «резвым между угорелыми», Страхов и в отношении Достоевского таков: никакого кумиротворения или осуждения экзистенциальных самопроявлений Достоевского он не предлагает. Достоевский пишет о постыдном, его искренность, интимная и исповедальная, могла бы остаться и в границах частных признаний и покаяний без того, чтобы придать ей романтическую форму. Отчаянно опасному и столь значимому и для Ф.М. Достоевского вопросу «кто говорит?» (вопросу, которым оказался соблазнен Фр. Ницше) Н.Н. Страхов противопоставляет «как» и «ради чего» совершается познавательное высказывание, чем оно конкретно предпослано и какие онтологические последствия оно имеет. Ф.М. Достоевскому был также интересен опыт философии Н.Н. Страхова [2].

Смятенный Ф.М. Достоевский и размеренный Н.Н. Страхов – никогда не были, судя по всему, закадычными друзьями. Неосуждающая прямота, с которой Н.Н. Страхов говорил с Ф.М. Достоевским была, пожалуй, основным экзистенциально-методологическим узором их разговоров. В нашу эпоху, когда повсюду даёт себя знать оглядка и во всяком слове предчувствуется выгода, эта прямота не слишком понятна. Однако именно её, как некую практическую предпосылку экзистенциально-тематического единства их разговоров и трудов, требуется осмыслить прежде всего.